

Приказ Преследования Света

Когда они наконец выбрались из гор, уже наступила весна. Ветви покрылись молодой зеленью, и мир вокруг, избавленный от безжизненной белизны, казался иным, словно они очнулись от долгого сна.

Едва покинув хребет Цзинь-Алинь, Вань Миньюэ отправил письмо в Павильон Развеянных Цветов в Цзиньчэне, прося Мянью Сяосяо прислать лекаря. Свою голову он тоже показал врачу. Тот осмотрел её и заверил, что ничего серьёзного — лишь небольшая вмятина на затылке, которую всё равно не видно под волосами.

Хань Линь пролежал без сознания полмесяца. Шангуань Цюэ не отходил от него ни на шаг. Вань Миньюэ пытался проведать больного, но его останавливала стража, твердившая, что без приказа господина Шангуаня никто не смеет войти. Что за насмешка! Он три месяца рисковал жизнью, чтобы спасти этого человека, а теперь ему даже не позволяли его увидеть.

Позже, когда Хань Линь очнулся и сам спросил о друге, Вань Миньюэ наконец допустили к нему.

— Почему я тебя не видел последние дни? — спросил Хань Линь. — Голова сильно болит? Или простудился?

— Тому, что я вижу тебя сегодня, я обязан милости твоего старшего брата, — с улыбкой ответил Вань Миньюэ. — Полагаю, он опасался, что при виде меня ты слишком разволнуешься и твои раны снова откроются, поэтому и держал меня за дверью столько дней.

Возможно, дело было в том, что условия здесь были несравнимо лучше, чем в заснеженных горах, но состояние Хань Линя стабилизировалось. Хотя он всё ещё был болезненно худ, в его глазах появился блеск, и это наконец позволило вздохнуть с облегчением.

Узнав, что его спас Шангуань Цюэ, юноша был преисполнен благодарности.

Но старший брат лишь покачал головой и, взяв его за руку, сказал:

— Между нами не те отношения, чтобы благодарить друг друга.

Вань Миньюэ, холодно наблюдавший за этой сценой, решил прояснить ситуацию:

— Я бы так не сказал. Тебе стоит получше поблагодарить своего старшего брата. Недавно он пошёл против Приказа Преследования Света вашего Павильона.

Хань Линь замер, а затем рывком сел и, схватив Шангуань Цюэ за руку, встревоженно спросил:

— Правда?

В Павильоне Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя братьев по оружию называли «одинокими огнями». Множество таких огней становились светом, что озарял тьму мира, неся справедливость. Приказ Преследования Света, как следовало из названия, был приказом о возвращении, который мог отдать лишь сам Владыка Павильона. Увидеть его было всё равно что увидеть самого Владыку.

Поскольку предатели, покидавшие Павильон, часто бежали за границу, высшему чину заставы в горах Янь Цзян Шуйянь лично доверил один из таких приказов. Если он встречал беглеца, то должен был предъявить ему железную пластину с выгравированным на ней алым пламенем. Если тот отказывался подчиниться, считалось, что Владыка Павильона позволяет исполнителю приказа покарать ослушника любым способом.

Приказ Преследования Света — дело чрезвычайной важности. Как Шангуань Цюэ мог ввязаться в такую историю?

От резкого движения рана на животе дала о себе знать. Хань Линь застонал и, ослабев, начал заваливаться назад.

Шангуань Цюэ тут же подхватил его и, заключив в объятия, бросил короткий взгляд на невозмутимого Вань Миньюэ.

— Да, это правда, — ответил он.

Вань Миньюэ, скрестив руки на груди, демонстративно смотрел в сторону, продолжая рассказывать Хань Линю:

— Шангуань Цюэ отправился на эту спасательную операцию самовольно. Он был в Сычуани, когда получил известие, и немедленно бросил все дела, помчавшись на север. По пути он подделал распоряжение Владыки и обманом увлёк за собой несколько десятков элитных воинов Павильона. В горах Янь их перехватили. Местный наместник, понимая всю серьёзность ситуации, немедленно воспользовался Приказом Преследования Света, чтобы остановить его.

Старший брат сделал вид, что подчинился, но той же ночью оглушил посланника. Своим людям он сказал, что это клевета. Разве мог Владыка, который так ценит Хань Линя, препятствовать его спасению? Сейчас главное — спасти человека, а потом Владыка непременно восстановит справедливость. Воины сочли его слова разумными, оставили тех, кто пытался их задержать, и продолжили путь на север.

Выслушав это, Хань Линь вцепился в Шангуань Цюэ, допытываясь, как он мог совершить такую

глупость.

Вань Миньюэ, стоявший рядом, едва сдержался, чтобы не закатить глаза. «Если бы он этого не сделал, ты бы там насмерть замёрз». Он уже хотел было что-то сказать, но увидел, как Шангуань Цюэ трясёт обмякшее тело в своих руках, в панике зовя:

— Хань Линь! Хань Линь!

От волнения тот снова потерял сознание.

После того как они оказались в ловушке в горах, их похитители, узнав, что оба пленника — известные молодые мастера, отправили письма в Орден Безмолвных Цикад и Павильон Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя, заломив за их возвращение баснословную цену.

Вань Миньюэ совсем недавно получил повышение в Ордене, его положение было незначительным, а жизнь не стоила дорого. К тому же он привёл с собой отряд, который был полностью уничтожен, что говорило о силе противника. Решение Ордена не вмешиваться и занять выжидательную позицию было вполне объяснимо.

Но с Хань Линем всё было иначе. Любой мог видеть, как высоко ценит его Цзян Шуйянь. Однако известие о пленении Хань Линя было засекречено — то ли заместителем Владыки в Чанъане, то ли самим Цзян Шуйянем. В итоге об их беде знало очень мало людей. Неизвестно, откуда Шангуань Цюэ получил сведения, но он, словно обезумев, нарушил множество правил Павильона, чтобы примчаться на помощь из самой Сычуани.

Но дело было сделано. Хань Линь пожурил его лишь раз, а очнувшись, принялся донимать Вань Миньюэ, умоляя придумать, как помочь старшему брату.

Боги, да Вань Миньюэ рассказал всё это лишь для того, чтобы намекнуть, насколько бездушным был Павильон Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя, как мало там ценили жизнь. Вся показная забота Цзян Шуйяня была лишь игрой на публику, а в критический момент на него нельзя было положиться. Он надеялся посеять в душе Хань Линя разочарование.

Такой талант, как Хань Линь, был нарасхват. Глава Ордена Безмолвных Цикад, Бай Ин, ценила одарённых людей и наверняка приняла бы его с распростёртыми объятиями. А если бы Вань Миньюэ ещё и поспособствовал, то всё могло бы получиться.

Он только-только определился со своими чувствами и, конечно, должен был продумать возможные варианты развития событий.

Но Хань Линь, казалось, ничего не понял. В его словах не было и тени обиды, он лишь сокрушался, что похитители запросили слишком высокую цену — пришлось бы, наверное, пол-

Павильона в Чанъане заложить, чтобы расплатиться.

Шангуань Цюэ неотлучно находился рядом с Хань Линем, и Вань Минъюэ не мог высказать свои мысли прямо. В конце концов они оба принадлежали к одному Павильону, а Шангуань Цюэ держался так спокойно, будто совершенно не осознавал, насколько рискованным был его поступок и какими серьёзными последствиями он грозил.

По пути из-за того, что раны открылись и гу снова начал действовать, Хань Линь подхватил простуду и временно оглох.

Он, впрочем, не унывал и, когда был в сознании, по-прежнему много говорил, пусть и сам с собой. Шангуань Цюэ заботился о нём, не отходя ни на шаг. Он заказал у плотника дощечку, чтобы общаться с ним письменно. Однажды вечером Вань Минъюэ застал их за таким разговором.

Когда Хань Линь оглох, Шангуань Цюэ перестал даже для вида кивать Вань Минъюэ в знак приветствия. Он лишь бросал на него короткий взгляд, когда тот входил в комнату, а затем всё его внимание снова было приковано к подопечному.

Вань Минъюэ тоже не искал общения. Он просто стоял в стороне, не вмешиваясь, и ждал, когда тот закончит и уйдёт.

Поначалу Шангуань Цюэ под разными предлогами оставался в комнате, что-то поправляя и переставляя, и делал вид, что наблюдает за их разговором. Выражение его лица было отстранённым, но Вань Минъюэ знал — это притворство.

Лишь когда сам Хань Линь, беспокоясь, что старший брат слишком устал, отправлял его отдыхать и думать над покаянным письмом для Владыки, Шангуань Цюэ неохотно уходил.

Каждый день они неизбежно сталкивались в повозке Хань Линя. За полмесяца они перекинулись от силы десятком фраз.

Хань Линь заметил неладное и спросил его:

— Почему Ласточка не разговаривает со старшим братом?

Вань Минъюэ написал на дощечке: «Разговариваю, просто ты не слышишь».

— Я оглох, а не ослеп. Я что, не вижу, двигаются у вас губы или нет?

Вань Минъюэ пожал плечами, притворившись, что не понял, и перевёл разговор на другую тему.

Отряд двигался быстро. В тот же день, когда они прибыли в Лоян, приехала и целительница, которую пригласил Вань Миньюэ.

— Этот гу несложный, Сяосяо сразу отправила меня, — сказала миниатюрная и милая девушка. Вань Миньюэ решил, что она из Павильона Развеянных Цветов, но та ответила, что нет, и что она приехала, чтобы заодно вступить в Павильон Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя.

— Павильон Развеянных Цветов слишком близко к дому. Родители постоянно торопят меня с замужеством, — пожаловалась Тун Линлин. У неё было белое, как у булочки, лицо и большие глаза без двойного века. Когда она улыбалась, то выглядела очень мило, а её тихие жалобы звучали сладко, но не приторно.

Для изгнания гу Тун Линлин использовала флейту. Вспомнив неловкую ситуацию с И Утун, Вань Миньюэ рассказал ей обо всём, опасаясь, что это не сработает.

Тун Линлин изящно нахмурила брови:

— Моя флейта приманивает гу, а не его.

Когда гу выполз из надреза на груди, Вань Миньюэ поддел его клинком и тут же раздавил ногой тварь, мучившую их всю зиму.

Когда всё было кончено, Тун Линлин снова проверила пульс. И тут Шангуань Цюэ, до этого не проронивший ни слова, спросил:

— Останутся ли последствия?

— Обычно остаются. Яд так долго отравлял его сердце, удивительно, что он вообще выжил. Я выпишу ему рецепт, пусть принимает лекарства по часам. — Но её тонкие пальцы не отрывались от запястья. Спустя мгновение она удивлённо приподняла брови: — А у него нет.

Девушка посмотрела на Хань Линя с восхищением:

— Какое у него всё-таки крепкое тело.

Они не пробыли в Лояне и полмесяца, как Вань Миньюэ получил приказ о возвращении из Ордена Безмолвных Цикад. Ледяной яд не оставил на теле Хань Линя следов, но рана на животе от долгой дороги снова открылась. Когда Вань Миньюэ уезжал в Шаньчэн, юноша уже мог вставать с постели и пришёл проводить его вместе с Шангуань Цюэ.

В обычное время Шангуань Цюэ был бы слишком занят и вряд ли появился бы. Тогда Хань

Линь мог бы выпить на прощание пару чарок вина. Но после самовольного ухода из Сычуани тот был отстранён от всех дел в Павильоне.

По улицам поползли слухи, будто Цзян Шуйянь опасается его. Но как именно его накажут, люди из Ордена Безмолвных Цикад знать не могли. Известно было лишь, что за десять дней Шангуань Цюэ вызывали в Павильон Светильника пять или шесть раз. Он ничего не говорил и никак не показывал своих чувств, но все понимали, что его вызывают для нагоняя. Судя по частоте вызовов, дело было серьёзное. Однажды Вань Миньюэ не выдержал и, уступив уговорам, отвёл Хань Линя, опиравшегося на костыль, просить за него, но Цзян Шуйянь даже не открыл им дверь.

За последние два года в Павильоне Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя Шангуань Цюэ взял на себя слишком много. Он преуспевал именно в том, в чём Цзян Шуйянь был не силён. Всеобщая хвала и невольная зависимость от него лишь усиливали опасения Владыки.

А его самовольный поступок со спасением Хань Линя, способность без приказа повести за собой несколько десятков лучших воинов — всё это давало пищу для размышлений и привело Цзян Шуйяня в ярость.

В итоге было решено временно отстранить его от должности. У Шангуань Цюэ появилось много свободного времени, которое он проводил у постели Хань Линя. Каждый раз, когда Вань Миньюэ приходил, он заставлял его там. Старший брат готовил отвары, мыл юноше голову, обтирал тело — он делал почти всю работу нанятой сиделки.

Едва Вань Миньюэ обосновался в Шаньчэне, как по цзянху разнеслась весть: остатки Культа Красного Вэй, желая отомстить, вырезали всю школу Линьси.

Даос Цин Я в прошлом году перевёл свою школу в новое место, к подножию гор Цилян, так что ученики Вань Миньюэ чудом избежали гибели. А вот школа Хань Линя была уничтожена. Се Чжишань пал от руки собственного ученика и умер, преисполненный горечи. Тот предатель, одурманенный дочерью одного из сектантов, предал своего наставника, а опомнившись, покончил с собой.

Новость о трагедии в Линьси Шангуань Цюэ услышал, когда его в очередной раз вызвали в Павильон Светильника для нагоняя.

Услышав это, он почувствовал, как у него мучительно сжалось сердце. Но, несмотря на собственную боль, он решил пока ничего не говорить Хань Линю.

Линьси была для Хань Линя домом, обретённым после долгих скитаний, а Се Чжишань — не просто наставником, но почти отцом.

Рана на животе юноши только-только начала затягиваться. Если он узнает о случившемся, она непременно снова откроется.

Но такую новость было не утаить.

Когда Шангуань Цюэ в тот день вернулся, Хань Линя уже нигде не было. Подняли многих людей, искали повсюду, но тщетно. Подумав, он отправился на самую высокую башню в городе.

Когда-то Хань Линь со смехом говорил, что в Лояне у него слишком много врагов. Если ему станет грустно, он ни за что не покажет им этого, чтобы не доставить им радости. Он найдёт самое высокое место, где его никто не увидит, и там будет плакать и кричать.

Когда Шангуань Цюэ нашёл его, юноша сидел на корточках, обхватив голову руками, и рыдал.

Не успел он ничего сказать, как Хань Линь поднял лицо, увидел его и, вскочив, бросился ему на грудь. Вцепившись в одежду старшего брата, он зарылся лицом ему в плечо и закричал:

— Наставника больше нет! Наставника нет! И Линьси больше нет! Линьси нет!

Се Чжишань был для Шангуань Цюэ дядей, они провели вместе много лет, и он многим был ему обязан. Ему тоже было больно, но Хань Линь обнимал его так крепко, словно вкладывая в это объятие все свои силы.

Казалось, во всём мире у него остался только старший брат.

Это чувство пронзительного единения Шангуань Цюэ помнил и много лет спустя.

Было начало весны. На вершине башни дул сильный ветер. Небо затянули тяжёлые, тёмные тучи, готовые пролиться дождём.

Шангуань Цюэ снял свой плащ, накинул его на плечи Хань Линя и крепко обнял юношу, легонько похлопывая по спине, сотрясавшейся от рыданий.

Выплакавшись и утерев слёзы, Хань Линь твёрдо сказал, что ему нужна лошадь — он должен вернуться в Линьси.

Шангуань Цюэ был отстранён от дел, и у него не было причин не ехать с ним. Он тоже провёл там половину своей юности.

От Лояна до Линьси было всего пять-шесть дней пути на быстрой лошади, но после того, как они покинули горы, дела закрутили их, и они оба редко там бывали.

Они скакали без остановок и на третий день прибыли в Линьси.

К счастью, весна была холодной, и тела ещё не начали разлагаться.

Прибывшие ранее на помощь представители других школ уже собрали тела и уложили их в старом учебном зале, накрыв белой тканью. Но земля на горе всё ещё была покрыта большими, уже почерневшими пятнами крови.

Хань Линь рухнул на колени перед телом Се Чжишаня и принялся бить поклоны.

Шангуань Цюэ не мог его остановить. Он стоял рядом и жестом остановил других учеников, хотевших поднять Хань Линя.

— Ему больно, — тихо сказал он. — Пусть простится.

Неизвестно, на каком поклоне лоб Хань Линя коснулся земли и больше не поднялся. Когда его проверили, оказалось, что он потерял сознание от истощения.

Шангуань Цюэ подошёл и, взяв юношу на руки, обернулся к собравшимся в зале старейшинам:

— Прошу простить его.

Вернувшись во временное жилище, он достал целебную мазь и расстегнул одежду Хань Линя. Долгая скачка и недавнее потрясение сделали своё дело — рана снова открылась. Осмотрев её, он нанёс лекарство и, взяв подопечного за руку, некоторое время сидел рядом.

В дверь постучал старший ученик. Шангуань Цюэ поднялся и пошёл благодарить тех, кто помогал с похоронами, устраивать на ночлег прибывших старейшин и отдавать распоряжения по поводу погребения и установки памятных досок.

Благодаря полученному в детстве воспитанию он был хорошим организатором. В Павильоне Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя ему часто поручали заниматься подобными делами, так что к вечеру он со всем управился. Когда он вернулся, Хань Линь всё ещё не очнулся. Посидев немного в комнате, он встал и пошёл в горы, к их старому убежищу.

После того как они ушли, в их хижину, похоже, никто не заходил. Всё осталось таким же, как в день их отъезда.

Всё покрылось пылью. Шангуань Цюэ смотрел на знакомую обстановку. Не обращая внимания на грязь, он подошёл и сел на запылённые доски кровати.

Хижина была маленькой. Те полгода они с Хань Линем спали на этой узкой кровати вдвоём.

Когда Шангуань Цюэ, сломленный, вернулся после Собрания у Драконьих Врат, Хань Линь привёл его сюда на муле. Он возил для них всё необходимое и заставлял его подниматься и тренироваться.

Юноша, обычно такой болтливый, в те полгода почти не говорил. Их общение было редким.

Каждый день начинался одинаково. Утром младший будил его:

— Старший брат, пойдём тренироваться.

В поединках они поменялись ролями. Хань Линь строго поправлял его, объясняя, почему тот или иной приём неверен. Он атаковал его быстрыми ударами, заставляя Шангуань Цюэ полагаться на рефлекс, отточенные за десять лет обучения, и забыть всё то лишнее, что он успел нахватать.

Быстрые удары саблей изматывали. Каждый день после обеда с одежды Хань Линя можно было выжимать воду, и он так уставал, что не мог говорить. Они по-прежнему стирали вместе, у моста. Для него стирка была почти отдыхом. Иногда, набравшись сил, он снова вызывал его на бой, и они сходились в рукопашной прямо на мосту.

Тяжёлые полгода. Для обоих.

Упасть с вершины на самое дно и потом шаг за шагом карабкаться наверх — это было мучительно. А когда тот, кто заставляет тебя подниматься, — твой бывший ученик, это вдвойне унижительно. Шангуань Цюэ не хотел бы пережить это снова.

Но человеческие чувства — сложная вещь. Те полгода молчаливых поединков врезались в его сердце глубже, чем предыдущие пять лет их дружбы.

В жизни всегда есть то, чего не хочешь повторять, но о чём тоскуешь.

Шангуань Цюэ поднялся с запылённой кровати, отряхнул одежду и, ещё раз окинув взглядом убогую обстановку, направился к выходу. Краем глаза он заметил в углу хижины росток жизни.

По листьям он узнал молодое деревце красных бобов.

Наверное, семя упало с браслета Хань Линя. Шёлковая нить со временем истирается, да и сами бобы не вечны. Хань Линь привык носить браслет, и Шангуань Цюэ каждый год делал для него новый, заменяя старый.

В горах, в тех суровых условиях, старый браслет, должно быть, потерялся. После спасения, пока юноша был без сознания, старший брат при свете лампы сплёл для него новый и надел на

его исхудавшее запястье.

Оглядев унылое окружение, Шангуань Цюэ наклонился и нежно провёл пальцем по листьям деревца. Опустив глаза, он с сочувствием прошептал:

— Ты тоже пророс в этом неподходящем месте.

Сказав это, он выпрямился и, подняв голову, увидел луч света, пробивавшийся сквозь щель в крыше. Должно быть, благодаря этому лучу семя и смогло прорасти. Весь росток тянулся к свету.

Солнце уже клонилось к западу. Помедлив, он пошёл к самой высокой скале.

В те полгода их утешением было то, что после всех дел, уставшие и измученные, они шли гулять. Хань Линь по-прежнему был немногословен и осторожен. Их разговоры ограничивались восходами и закатами, сменой времён года.

В конце концов они всегда приходили сюда, садились на скалу и, обдуваемые ветром, молча смотрели, как солнце опускается за горы.

За те полгода Шангуань Цюэ, кажется, увидел все закаты, которые мог увидеть за свою жизнь. Алые деревья, летящие птицы, парящие орлы — всё это и много лет спустя являлось ему во сне.

Следуя за памятью, он сел на краю обрыва. Знакомый ветер, как и в те полгода, оведал его лицо и волосы. В этот пасмурный день закат был блёклым, красновато-жёлтым. По небу пролетали орлы, но это было не сравнить с тем, что они видели здесь вместе.

Они приходили сюда даже в дождь, стояли под ветром и мокли. Небо тогда было тяжёлым и тёмным, мрак медленно сгущался над головой, но Шангуань Цюэ чувствовал лишь, как дождь приятно омывает его. Хань Линь, видя его улыбку, тоже радостно вскакивал, раскидывал руки, ловя капли, и громко кричал в сторону далёких гор.

За полгода многое может измениться. Шангуань Цюэ всегда знал, что он чувствует.

Безвкусный закат опустился за горы. Путь назад был неблизким. Пока ещё было светло, он пошёл обратно.

На полпути совсем стемнело. Серп луны прятался за облаками. Шангуань Цюэ мог бы вернуться в хижину за факелом, но продолжил идти в темноте.

Темнота располагала к размышлениям. А ему нужно было думать. Ему нужно было удержаться

Хань Линя.

<http://bllate.org/book/15990/1499234>